

резко уменьшились», автор полагает, тем не менее, что «товарные отношения не исчезли полностью и сохранили такой характер, который объясняет наличие в городе наряду с мелкими, средними и крупными торговцами слоя свободных ремесленников» (стр. 188).

Луццатто отнюдь не ставит под сомнение, как это нередко делают реакционные буржуазные историки, натуральный характер хозяйства в Европе раннего средневековья, он только отмечает особенности в развитии Италии и других стран, подвергшихся сильному влиянию Рима. Тем не менее в борьбе двух концепций — одна из которых признает натуральный характер хозяйства Италии в раннее средневековье, а другая отрицает его — Луццатто скорее склоняется к последней. Италия, по его мнению, оставалась страной, «где деревне никогда не удавалось занять господствующего положения; главным центром общественной жизни попрежнему оставался город» (стр. 186). Столь далеко идущий вывод вызывает сомнение хотя бы уже по одному тому, что вряд ли факт преобладания городского строя может быть доказан источниками.

Вопрос о характере экономики Италии в раннее средневековье представляется одним из наиболее сложных, он еще не настолько исследован, чтобы можно было с определенностью прийти к тому или иному выводу. Однако все то, что известно об экономическом состоянии страны в период Поздней Римской империи, а также в готский и лангобардский периоды — упадок городов и постепенное развитие поместного строя, — все это противоречит выводам Луццатто о *преобладании* городского строя в Италии раннего средневековья.

Тем не менее попытка автора выделить в этом отношении Италию из ряда других стран является, как нам кажется, вполне закономерной. Уже сам материал, который приводит автор, свидетельствует о сохранении городских ремесленных коллегий, о развитии торговли, которой занимались купцы-горожане, то есть о том, что города как центры ремесла и торговли в какой-то форме продолжали существовать. Следовательно, в Италии элементы товарности в хозяйстве должны были сохраниться в большей степени, чем в других областях, та грань между городом и сельской местностью — грань, которая в других странах исчезла совершенно, — здесь стерлась